

Сергей Фирсов

Великая Отечественная война и «новая религиозная политика»

**Сила мифа
и правда
истории**

Великая Отечественная война, 75 лет победоносного завершения которой торжественно отмечается в нынешнем году, заставляет нас не только вспоминать о величии подвига тех, кто приближал разгром фашистской Германии и ее сателлитов, но также вновь и вновь задумываться над вопросом, почему в последние десятилетия получают широкое распространение, популяризируются всевозможные мифы о войне, Сталине, его церковном «обращении» к вере и «возрождении» им Русской Православной Церкви.

Этот вопрос давно обсуждается церковными историками. В большинстве случаев они стремятся показать, что ни о каком «обращении» речь не может вестись, что простые ответы не помогают разобраться в теме «Церковь и война». Но ситуация кардинально не меняется. Переубедить «убежденных» не получается. И вряд ли получится. Важнее, на мой взгляд, попытаться понять социально-психологическую мотивацию

«убежденных», предварительно кратко осветив ключевые моменты церковно-государственных отношений накануне и в годы войны.

Показательно, что на рубеже веков, в 1999 году, журнал «Наш современник», а также ряд изданий «коммуно-патриотической» направленности опубликовали материалы, из которых следовало, что в ноябре 1939 года И.В. Сталин кардинально изменил курс государственной

политики СССР в отношении религии и Церкви. Тогда якобы были прекращены гонения на духовенство и верующих, прошла массовая амнистия, отменено «указание» от 1 мая 1919 года (№ 13666/2) за подписями В.И. Ленина и М.И. Калинина, требовавшее «как можно быстрее покончить с попами и религией».

Не касаясь подробной истории появления этого «сенсационного» документа, отметим только, что его внимательно исследовал И.А. Курляндский, показавший и доказавший, что он — фальшивка (один номер «13666/2» чего стоит! — здесь и «чертова дюжина» — 13, и «число дьявола» — 666). Фальшивкой являлась и «Выписка из протокола № 88 заседания Политбюро ЦК ВКП (б) от 11 ноября 1939 года» с подзаголовком «Вопросы религии» за подписью И.В. Сталина¹. Курляндский прав, когда пишет, что расчет публикаторов делался не на интеллектуалов, а на массовое сознание.

Создание и распространение подобных «документов» — симптоматично, поскольку в последние годы исключительное развитие приобрел «сталинский миф», один из «столпов» которого — положение о его «воцерковленности». Тем более что о «святости» генералиссимуса, «осиянного» светом Победы, давно и упорно говорят наиболее активные его почитатели. «Генералиссимус Сталин по прошествии времен, когда отхлынет вся навалившаяся на него тьма, неизбежно просияет среди русских святых», — утверждает, например, Александр Проханов².

Конечно, среди серьезных историков, в том числе и церковных, трудно найти людей, придерживающихся подобных взглядов. Но ведь дело не в них, равно как и не в исторических фактах, а в психологии восприятия мифа определенной, политически ангажированной части наших людей, воспринимающих прошлое через призму искусственно сконструированного ими же самими (или для них) мифа. Миф для таких людей стал познавательным инструментом советской реальности. Если старые знания и законы можно опровергнуть новыми, то мифы с помощью знаний объясняться не могут, они в принципе «самодостаточны». При этом, как замечает современный исследователь Г.А. Бордюгов, «рукотворные политические мифы ничего не скрывают, их тактика <...>

не правда и не ложь, а просто отклонение от реальности»³.

Именно поэтому, полагаю, борьба с мифами обыкновенно не приводит к успеху. Особенно если мифы касаются религии и Церкви, в нашем случае — мифа о полном и окончательном изменении прежних церковно-государственных отношений в предвоенную и военную эпоху. Изменения носили временный характер и были обусловлены не изменением сталинского «мировидения», а изменением политической обстановки. Стратегический курс большевиков на борьбу с «религиозным мракобесием и клерикализмом» волею внешних (по преимуществу) обстоятельств был вынужденно на время оставлен.

Для непредвзятого исследователя очевидно: никаких существенных изменений в области сталинской «религиозной политики» вплоть до начала Великой Отечественной войны не было.

Война кардинально все изменила. По крайней мере, массированные антирелигиозные атаки на религию и Церковь прекратились.

К 1941 году Православная Церковь имела 3021 действующий храм, абсолютное большинство которых (около трех тысяч) находились на территориях Западных Украины и Белоруссии, Бессарабии и стран Балтии, присоединенных к Советскому Союзу в 1939–1940 годах. Тогда же в состав Церкви вошло 46 монастырей. Все ранее существовавшие в РСФСР монастыри были закрыты к 1938 году. Без преувеличения можно сказать, что на широких просторах Советского Союза «религиозная жизнь приняла очаговый характер»⁴. Атеистические журналы вплоть до июля 1941 года публиковали статьи, в которых заявлялось о том, что «религия является злейшим врагом советского патриотизма»⁵, а бессменный глава Союза воинствующих безбожников Емельян Ярославский продолжал пользоваться благосклонностью вождя⁶.

Война кардинально все изменила. По крайней мере, массированные антирелигиозные

атаки на религию и Церковь прекратились. Перестали издаваться атеистические журналы и газеты. По словам советского религиоведа Э. И. Лисавцева, специализировавшегося на критике «буржуазной фальсификации» положения религии в СССР, уже в июле 1941 года состоялась первая встреча И. В. Сталина с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским), результатами которой оба остались довольны⁷. К сожалению, проверить данное заявление вплоть до сегодняшнего дня не удалось. Но, даже если считать, что подобная встреча состоялась, остается предположить лишь одно: вождь в прагматических целях решил разыграть «церковную карту», тем более что митрополит Сергей с Посланием к «Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» обратился уже 22 июня 1941 года, заявив, что «Церковь Христова благословляет всех православных на защиту границ нашей родины»⁸.

Интереснее, думается, обратить внимание на иное: в условиях глобального противостояния с врагом, после провозглашения начавшейся войны войной Отечественной, деятельность Союза воинствующих безбожников свернули (хотя саму организацию официально и не распустили), а главному безбожнику страны — Ярославскому, в течение двух десятилетий занимавшемуся шельмованием церковных деятелей и глумившемуся над религиозными чувствами миллионов верующих, было предложено публично отметить новую патриотическую позицию Церкви. Просьбу, которая скорее выглядела как ответственное задание, Ярославский получил через личного помощника Сталина, заведующего Особым сектором ЦКВКП(б) А. Н. Поскрёбышева. Преодолев вполне понятные сомнения, Ярославский нашел своеобразный выход: 2 сентября 1941 года он подготовил специальную статью под названием «Почему религиозные люди против Гитлера», подписав ее странным псевдонимом — Каций Адамиани. Псевдоним, вероятно, был выбран не случайно: в грузинском языке «адамиани» значит «человек» (от библейского Адама); слово «каци» также может обозначать «человека», «мужчину» (слово использовалось в грузинском языке еще до принятия христианства). Исходя из этого, можно понять, на что намекал Ярославский (особенно имея в виду главного своего читателя — самого Сталина).

Первоначально статья предназначалась для зарубежного читателя, не слишком хорошо знавшего советские религиозные реалии. Предполагалась и ее публикация в «Известиях», но в конце концов публикация так и не состоялась: вплоть до сегодняшнего дня машинописная копия статьи хранится в архиве. Там же хранится и письмо Ярославского, написанное в марте 1942 года и адресованное советскому полпреду в Швеции А. М. Коллонтай. В письме шла речь о публикации в шведской прессе статьи Ярославского «Отношение верующих в СССР к Отечественной войне». Вероятно, это была сентябрьская статья 1941 года, написанная по заданию Сталина (хотя и с несколько измененным названием).

«Религиоведческое творчество» главного наставника всех советских безбожников на этом не прекратилось: весной 1942 года он активно собирал материал для работы «Обожествленный бандит и его апостолы». По словам С. Н. Савельева, советского биографа Ярославского, рукопись представляла собой отдельные фрагменты текста по поводу программных пунктов национальной государственной церкви Германии: «Очевидно, что Ярославский готовил большую статью, разоблачающую религиозно-мистические упражнения гитлеровской верхушки, но так и не успел этого сделать. Черновой вариант этой статьи — последняя атеистическая работа Ем. Ярославского»⁹.

Как видим, многолетнего лидера советских безбожников в последний период своей жизни Сталин привлек для написания работ, позитивно оценивающих патриотическую деятельность православного духовенства и разоблачающих, по мнению его биографа, «возврат к язычеству гитлеровской верхушки». Воинствующий атеист-безбожник волею обстоятельств превратился в борца с возрождавшимся язычеством, в частности с культом древнегерманского бога Водана. Чем не ухмылка истории, символ того, что в советской стране возможны любые «чудеса»!

Насколько легко было Сталину сменить казенный атеизм на патриотическую риторику, в которой отводилось место и уничтожавшейся незадолго до того Православной Церкви? Однозначно судить об этом трудно. Можно лишь утверждать одно: вождь был человеком расчетливым, великим политическим комбинатором,

умевшим ради достижения поставленной цели использовать все возможные силы и средства. Использовал он и Церковь, содействуя ее включению в борьбу против германского нацизма. О его «обращении» к вере и Церкви это вовсе не свидетельствует. С другой стороны, по утверждению «перестроившегося» советского политработника генерал-полковника Д. А. Волгогонова, «Сталин понимал атеизм упрощенно, вульгаризаторски. Он не любил вопросов о свободе совести. <...>. Для него атеизм был политическим средством — ни больше, ни меньше. Составляя библиотеку для дачи, Сталин собственноручно выписал все необходимые издания. И приписал: “Прошу, чтобы не было никакой атеистической макулатуры”»¹⁰.

Впрочем, даже если поверить в то, что Сталин действительно презирал подобную литературу, невозможно отрицать многолетнего «потакания» вождя развитию широкой сети атеистических издательств, распространению «атеистической макулатуры» во всех уголках необъятной социалистической страны. В условиях Отечественной войны «потакать» казенным атеистам стало политически ошибочно. Быстро поняв это, Сталин не только полностью запретил любую публичную агитацию, направленную против религии и Церкви, но и, по сути, инициировал издание (от имени Московской Патриархии) книги «Правда о религии в России». В печать книга была подписана 16 июля 1942 года. Именно в этот день Г. К. Жуков начал планировать наступательную операцию на Ржевско-Сычевском направлении. Эта операция должна была стать крупным наступлением в рамках стратегической обороны Советской армии. Книга вышла тиражом 50 тыс. экземпляров и, согласно характерной легенде, переданной профессором Д. В. Поспеловским, была напечатана в типографии бывшего Союза воинствующих безбожников¹¹.

Однако важнее отметить иное: в качестве потенциальных читателей этого труда рассматривались преимущественно представители общественности союзных с СССР стран — США и Великобритании. В книге, открывавшейся предисловием Патриаршего Местоблюстителя, громко заявлялось о свободе религиозного вероисповедания в Советской России, об отношении

Церкви к Отечественной войне, о патриотическом воодушевлении среди «верующих и духовенства» (!), немецких военных преступлений с религиозной точки зрения, глумлении новых «крестоносцев» над православными святынями, духовенством и верующими.

В целом книга свидетельствовала, что все разговоры о гонении на религию в СССР — только разговоры, что на самом деле никакого насилия над верой в государстве рабочих и крестьян не существует, что Церковь жива и сильна. Конечно, эту книгу можно назвать «ложью во спасение», «покрывшей» своим авторитетом преувеличения, ложь и подтасовки хулиганствующей атеистической прессы конца 1930-х годов, или даже симптомом новой («лжесимфонической») болезни, никак не зависевшей от успехов и неудач воинствующих безбожников. Но для нас, полагаю, важнее отметить иной момент: в определенной степени «Правда о религии в России» стала прологом «нового курса» сталинского правительства в отношении Русской Православной Церкви. Книгу доставили госсекретарю США К. Хэллу, вице-президенту США Г. Уоллесу и целому ряду других высокопоставленных государственных и политических деятелей Америки. В условиях, когда советское руководство всеми силами старалось добиться скорейшего открытия Второго фронта, нормализация отношений с Церковью не могла не восприниматься как одна из важнейших государственных задач. И задача эта в условиях военного времени успешно решалась.

5 сентября 1943 года советские люди с изумлением могли прочитать в газете «Правда» (органе ЦК и МК ВКП (б)), что днем ранее, «4 сентября у Председателя Совета Народных Комиссаров тов. И. В. Сталина состоялся прием, во время которого имела место беседа с Патриаршим Местоблюстителем Митрополитом Сергием, Ленинградским Митрополитом Алексием и Экзархом Украины Киевским и Галицким Митрополитом Николаем». Также сообщалось, что во время встречи владыка Сергей довел до сведения главы правительства информацию о своем намерении в ближайшее время созвать Собор епископов для избрания Патриарха Московского и всея Руси и образования Патриаршего Синода. «Тов. И. В. Сталин сочувственно отнесся к этим

предположениям и заявил, что со стороны Правительства не будет к этому препятствий»¹².

Тем, кто следил за развитием церковно-государственных отношений в СССР, переоценить это краткое сообщение было трудно. Как вспоминал много лет спустя архиепископ Михаил (Мудьюгин), во время войны живший в эвакуации и работавший на оборону, впечатление от этой газетной заметки было шоковое: «Один партийный товарищ спрашивал у меня: неужели теперь нас заставят ходить в церковь и креститься?! Никто и в мыслях не мог представить, что подобная встреча была возможна»¹³.

А спустя еще четыре дня, опять же в «Правде», появилась краткая заметка о состоявшемся 8 сентября в Москве Соборе и об избрании на нем Патриарха, которым стал митрополит Сергей. Сообщалось также о принятии Собором обращения к правительству с выражением благодарности за внимание к нуждам Церкви,

на которой впервые встретились Сталин, Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль. Для человека искренне и глубоко верующего, коим был Президент США, то, что в СССР избран Патриарх, что этот Патриарх открыто поддерживает власть в деле борьбы с фашизмом и призывает к тому всех верующих, было исключительно важно (тем более что и ранее Рузвельт ратовал за прекращение гонений на религию и Церковь в Советском Союзе¹⁵).

Конференция завершила свою работу 1 декабря, а три дня спустя, 4 декабря, умер главный борец с религией и Церковью в СССР — Емельян Ярославский. «Правда» сразу же откликнулась на эту смерть, опубликовав на первой странице извещение от ЦКВКП (б) и СНК СССР. Следом была помещена безымянная статья «Большая потеря», в которой патетически говорилось о Ярославском как о выдающемся деятеле большевистской партии и пламенном патриоте, отдавшем всю свою жизнь Родине и партии. Отдельно, на третьей странице, были помещены сообщения о его кончине, поступившие от Института Маркса-Энгельса-Ленина, редколлегии «Правды», ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, Московских обкома и горкомов ВКП (б) и Московских областного и городского Советов депутатов трудящихся. Отдельно опубликовали безымянную статью, посвященную основным вехам жизни Ярославского, и статью «Памяти ученого-борца», подписанную руководителями Академии наук СССР.

В этих статьях и заметках было много разной официальной информации о покойном. Не было лишь одного — хотя бы краткой информации о его весьма активной деятельности на поприще борьбы с религией. Даже намек. Ученые мужи, упомянув, что их собрат «академик Ярославский» опубликовал более 800 книг и статей, стыдливо заметили: большинство их «посвящено истории рабочего класса, революционного движения, истории партии, жизни и творчеству великих вождей пролетариата — Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Он создал две научные биографии Ленина и Сталина»¹⁶.

О том, что у Ярославского 440 опубликованных работ «по вопросам атеизма», никто не вспомнил. В результате «нового курса» к 1943 году Ярославского как воинствующего безбожника больше не существовало. Не вспомнили

Советская власть продемонстрировала перед всем миром, что Русская Православная Церковь свободно живет в Советском Союзе, имеет возможность приглашать представителей братских Православных Церквей.

а также об обращении к христианам всего мира — с призывом к объединению всех усилий в борьбе против гитлеризма. Далее лапидарно говорилось об избрании членов Священного Синода, из которых четыре иерарха были названы только по кафедрам (архиепископы Ярославский, Красноярский, Куйбышевский и Горьковский). Читатели могли узнать и основные вехи биографии Патриарха Сергея, включая информацию о том, что с 1926 года он «занимает пост Патриаршего Местоблюстителя»¹⁴.

Обратим внимание на последнюю строчку: о том, что Патриарх с 1926 года был не Местоблюстителем, а заместителем Местоблюстителя, «благоразумно» не сообщалось.

...Через два с половиной месяца после этого, 28 ноября 1943 года, открылась Тегеранская

о его «атеистических заслугах» и во время церемонии прощания, на которой были практически все находившиеся в Москве «первые лица» партии и государства, включая В. М. Молотова, А. И. Микояна, К. Е. Ворошилова, Н. М. Шверника, Л. М. Кагановича, М. И. Калинина, Г. М. Маленкова и А. С. Щербакова. Не было только Сталина. Его отсутствие было симптоматично. «Каций Адамиани» в конце 1943 года был ему не нужен, скорее, даже мешал. Ведь все знали о неоспоримых заслугах покойного академика на «антирелигиозном фронте».

Но, зная, молчали. Никто из выступавших на похоронах, состоявшихся на Красной площади, не вспомнил о Ярославском-атеисте, руководителе и вдохновителе Союза воинствующих безбожников. Достаточным казалось указать на то, что «он был горячим поборником просвещения народных масс», неустанно выступал как пропагандист и «свой неустанный труд ученого» посвящал разработке вопросов истории рабочего класса и партии, посвятил свое «яркое перо» пропаганде идей Ленина-Сталина, беспощадной борьбе со всеми их врагами, а свое «пламенное слово» — «страстному призыву масс на подвиг во имя трудящихся — за Родину, за Сталина, за окончательный разгром фашистских варваров»¹⁷.

Почему столь важны детали этих похорон? Дело в том, что состоявшееся с Ярославским официальное, на государственном уровне подготовленное прощание свидетельствовало не столько о «скорби партии», сколько о том, что в ближайшее время довоенные принципы церковно-государственных отношений востребованы не будут, что «новая религиозная политика» — «всерьез и надолго». Насколько «всерьез и надолго», никто сказать не мог, не знал тогда этого и сам Сталин. В любом случае его отношения с церковными деятелями претерпели существенную метаморфозу. Отечественный исследователь В. А. Алексеев, много и внимательно занимавшийся изучением истории борьбы с религией в СССР, полагает, что поводом к налаживанию диалога между вождем и руководителями религиозных организаций страны (прежде всего, конечно, с Русской Православной Церковью) послужил сбор денежных средств в фонд обороны. Но помимо этого он обращал

внимание и на социально-психологический аспект — глубоко сидевшая в сознании Сталина идея, согласно которой «народ не сможет обойтись, особенно в наиболее драматический для него период, без культа, без “самодержца” (чью роль он исполнял под коммунистическими фразами в СССР)». Именно эта идея, полагает исследователь, и привела Сталина «к необходимости в разгар Великой Отечественной войны согласиться с настроением народа и не только легализовать Церковь, но и попытаться встроить ее в систему режима власти»¹⁸.

С последним утверждением, думается, можно согласиться, но относительно «культа» следует сказать, что его вождь выстраивал задолго до того, как решился на проведение «церковного НЭПа». Культ Сталина связывать с «легализацией Церкви», произошедшей в годы Великой Отечественной войны, вряд ли корректно. Корректно другое утверждение В. А. Алексеева — о неслучайности улучшения отношений с Русской Православной Церковью именно накануне Тегеранской конференции. Важным следует признать и подмеченный исследователем факт, что следующий «крупный шаг» навстречу Церкви Сталин сделал накануне Крымской (Ялтинской) конференции, состоявшейся 4–11 февраля 1945 года, посвященной установлению послевоенного мирового порядка¹⁹.

С 31 января по 4 февраля 1945 года в Москве при активной поддержке правительства состоялся Поместный Собор Русской Православной Церкви, избравший Патриархом Московским и всея Руси Ленинградского митрополита Алексия (Симанского). Это был первый Поместный Собор, созванный после завершения работы Поместного Собора 1917–1918 годов. Среди почетных гостей на Соборе присутствовали Патриархи: Александрийский Христофор II, Антиохийский Александр III, Грузинский Каллистрат; представители Константинопольской, Иерусалимской, Сербской и Румынской Церквей. Советская власть демонстрировала всему миру, что Русская Православная Церковь свободно живет в Советском Союзе, имеет возможность приглашать и достойно принимать Предстоятелей и представителей братских Православных Церквей.

Для Сталина это был важный внешнеполитический ход, который он рассчитывал использовать

в полной мере. Не случайно в том же 1945 году Русская Православная Церковь де-факто получает права юридического лица, отнятые у нее законодательными актами 1929 года. Церковным организациям «разрешается открывать финансовые счета, заключать сделки, покупать строения, открывать предприятия, осуществлять найм работников. Церковные приходы получили возможность снова пользоваться колокольным звоном»²⁰. Впрочем, не будем забывать и о том, что к тому времени многие тысячи православных приходов существовали благодаря тому, что их деятельность была легализована во время оккупации советских земель немецкими властями. Закрывать церкви, освободив страну от захватчиков, Сталин, разумеется, не мог и не хотел (к слову сказать, 1 июня 1945 года общее число действующих храмов, относящихся к Московской Патриархии (на территории СССР), составляло, по подсчетам созданного в 1943 году Совета по делам Русской Православной Церкви, 10243. Тогда же действовало 104 монастыря)²¹.

Вскоре после завершения работ Поместного Собора, 10 апреля 1945 года, вождь принял Патриарха Алексия — «в присутствии Николая, Митрополита Крутицкого, и Протопресвитера Николая Колчицкого». В беседе, как и ранее (в 1943 году), принял участие В.М. Молотов²². О чем шла речь, не сообщалось, но присутствие на беседе министра иностранных дел говорило само за себя — беседа не могла не касаться внешнеполитической деятельности Русской Православной Церкви в послевоенное время.

Это было последнее упоминание центральной партийной газеты о контактах главы советского правительства с Предстоятелем Церкви. При этом следует отметить, что о кончине Патриарха Сергия, последовавшей 15 мая 1944 года, сообщалось только в «Известиях». В Советском Союзе все публикации строго регламентировались, и читатели, внимательно следившие за «генеральной линией» партии, не могли это не учитывать...

Следует обратить внимание и на другую, весьма показательную публикацию, появившуюся в «Правде» 23 июня 1945 года. В ней деятельность одного из самых известных «воинствующих безбожников» 1920–1930-х годов — Б.П. Кандидова — была охарактеризована резко негативно,

а установки, которые он «протаскивал» в лекциях, читавшихся им в 1945 году в Татарской АССР, названы идеологически вредными. Какие именно установки он «протаскивал», не говорилось, но, без сомнения, речь шла о его антирелигиозных взглядах, сформировавшихся в период активной борьбы с «религиозным мракобесием и клерикализмом». В небольшой по объему статье автор трижды (!) назвал его проходимцем, заявив, что его лекторской деятельности «недавно» положен конец. В статье говорилось и о том, что бюро Татарского обкома ВКП(б) приняло соответствующее постановление, в котором заявлялось: «Проходимец Кандидов мог орудовать лишь в результате бесконтрольности, беспечности, притупления политической бдительности некоторых работников пропаганды, в результате того, что в отдельных партийных организациях Татарской АССР не проявляется надлежащего интереса к содержанию лекций». Бюро отметило как особо тревожное обстоятельство и тот факт, что никто из руководящих работников не сумел разоблачить лектора и «прервать его вредную деятельность»²³.

Лектору, достойному ученику и последователю Ярославского, повезло — его не репрессировали. Он умер своей смертью в 1953 году. Но сам окрик показателен, особенно если принять к сведению, что критическая статья появилась в центральной партийной газете, причем в тот день, когда на ее первых страницах говорилось об одном из величайших событий в истории советской страны — о Параде Победы! ...Пройдет совсем немного времени, и старая атеистическая риторика вновь вернется «на круги своя», а партийные и советские публицисты станут опять, как и прежде, писать «научно-атеистические» статьи.

Но в 1945 году казалось, что Сталин «изжил» и уничтожил наиболее резкие формы государственного атеизма. Однако надежды на лучшее были, как известно, разрушены уже в 1948 году, когда Священный Синод под давлением Совета по делам Русской Православной Церкви был вынужден принять решение о запрете крестных ходов из села в село, недопустимости разъездов архиереев по епархии в период посевной и уборочной и запрете проведения молебнов на полях. «Сохраняя внешне ровные отношения с Русской

Православной Церковью, — пишет О. Ю. Васильева, — власть пошла на ограничение ее влияния в обществе». После смерти Сталина прежний «примиренческий» курс государственно-церковной политики был окончательно осужден новым советским руководством, вставшим на путь открытой конфронтации с Церковью²⁴.

Последнее обстоятельство сыграло свою роль уже в наше время, когда миф о «воцерковившемся» Сталине получил распространение в кругах тех, кого обыкновенно называют «православными сталинистами». Этот миф обязательно включает в себя легенду о митрополите Гор Ливанских Или (Караме), будто бы передавшем в Советский Союз осенью 1941 года повеление Божией Матери прекратить гонения на Церковь²⁵, и историю о блаженной старице Матроне, с которой якобы вождь встречался все той же осенью 1941 года. Блаженная, согласно легенде, и предсказала Сталину грядущую победу над захватчиками, запретив покидать осаждающую врагами Москву. Она же якобы предсказала насильственную смерть вождя от рук ближайших соратников²⁶.

Об этих легендах, которые активно несут в массы и «православные» сталинисты, и экзальтированные сторонники «жидомасонского заго-

вора», и просто наивные люди, верящие в «красивую» сказку, в последнее время достаточно много пишут. Но ситуация кардинально не меняется. Правда истории — тяжелая, во многом парадоксальная — далеко не всегда оказывается востребованной. Причина невостребованности, думается, состоит в том, что мифологизированный «образ советского прошлого» из пространства актуальной памяти до сих пор не перешел в историю, которую многие и сегодня воспринимают в духе советского историка-марксиста М. Н. Покровского, заявлявшего: «история — это политика, опрокинутая в прошлое».

Такой «историей» для современных мифологизаторов и служит «новая церковная политика», которую Сталин проводил в годы Великой Отечественной войны. Поврежденность духовного зрения у мифологизаторов очевидна, но исправить его с помощью исторической правды вряд ли удастся. У них — своя «правда». В этой связи вполне актуальны слова Святейшего Патриарха Кирилла, еще 10 лет назад призывавшего молиться «о том, чтобы мы никогда не теряли своего внутреннего духовного зрения, а те, кто потерял, — чтобы обрели его. И тогда больше не потребуются никаких всенародных искупительных жертв»²⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробнее: Курляндский И. А. Сталин, власть, религия. М., 2011. С. 523–549.

² Проханов А. Народ — Победоносец // Завтра. Газета государства Российского. 2012. Май. № 19 (964). С. 1.

³ Бордюгов Г. Сталин: культ юбилеев в пространстве памяти и власти. М., 2019. С. 115.

⁴ Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999. С. 41.

⁵ Евстратов А. Патриотизм и религия // Безбожник. 1941. № 6. С. 3.

⁶ Накануне 60-летия, 17 февраля 1938 г., Ем. Ярославскому позвонил с поздравлениями сам Сталин; тогда же было опубликовано приветствие ЦК ВКП (б) и указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Ем. Ярославского орденом Ленина (см.: Алексеев В. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992. С. 175). Показательно также и то, что в январе 1939 г. Ем. Ярославский, имевший только трехклассное образование, был выбран действительным членом Академии наук СССР по отделению исторических наук.

⁷ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь и религиозная политика Советского государства в годы войны // Христианское чтение. 1996. № 12. С. 26.

⁸ Правда о религии в России. М., 1942. С. 17.

⁹ Савельев С. Н. Емельян Ярославский — пропагандист марксистского атеизма. Л., 1976. С. 72.

¹⁰ [Волгогонов Д. А.] Сталин и религия // Наука и религия. Ежемесячный научно-популярный атеистический журнал ордена Ленина Всесоюзного общества «Знание». 1989. № 2. С. 11.

¹¹ Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 185.

¹² Прием тов. И. В. Сталиным Митрополита Сергия, Митрополита Алексия и Митрополита Николая // Правда. Орган Центрального Комитета и МК ВКП (б). 1943. 5 сент. № 221 (9357). Воскресенье С. 1.

¹³ Архиепископ Михаил (Мудьюгин) в воспоминаниях и размышлениях: Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения архиепископа Михаила (Мудьюгина). 1912–2000 / Отв. ред. свящ. К. Костромин и Д. В. Волужков. СПб., 2013. С. 31.

¹⁴ Собор епископов православной церкви // Правда. Орган Центрального Комитета и МК ВКП (б). 1943. 9 сент. № 224 (9360). Четверг. С. 2.

¹⁵ См. напр.: <https://newizv.ru/article/general/14-12-2017/patriotu-nazametku-vozrodit-rpts-v-sssr-stalina-zastavil-ruzvelt>

¹⁶ См.: Памяти ученого-борца // Правда. Орган Центрального Комитета и МК ВКП (б). 1943. 5 дек. № 299 (9435). Воскресенье. С. 3.

¹⁷ Похороны Емельяна Михайловича Ярославского // Там же. 1943. 7 дек. № 301 (9437). Вторник. С. 3.

¹⁸ Алексеев В. Указ. соч. С. 185–186.

¹⁹ Там же. С. 187.

²⁰ Там же. С. 191.

²¹ См. напр.: Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 49–50.

²² Беседа тов. И. В. Сталина с Патриархом Московским и всея Руси Алексием // Правда. Орган Центрального Комитета и МК ВКП (б). 1945. 11 апр. № 86 (9857). Среда. С. 1.

²³ О вредных лекциях и притуплении политической бдительности // Там же. 1945. 23 июня. № 149 (9920). Суббота. С. 5.

²⁴ Васильева О. Ю. Указ. соч. С. 207.

²⁵ Кострюков А. А. Культ Сталина: обновленчество или язычество? // «Православный» сталинизм: Сб. ст. / Сост. К. Б. Грамматчиков. М., 2017. С. 221–224 и др.

²⁶ См.: Сказание о житии блаженной старицы Матроны. М., 1993. С. 28, 113–114 и др.

²⁷ Святейший Патриарх Кирилл Великая Отечественная война явила нам Божию правду о нас // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата (<http://www.patriarchia.ru/db/text/1157282.html>).